

СЛОВО, УСТРЕМЛЁННОЕ В ЗАПРЕДЕЛЬЕ: РУССКАЯ КОСМИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА

АРХАИКА

Русский язык — живая древность. Религия праславян основывалась на почитании святости слова, его божественный исток находился в *небе/нёбе* (ср. *ουρανός* греков, *dāngus* пруссов). Все священные первослова являлись поэтическими метафорами — сгустками смысла, истоками последующего тысячелетнего словотворчества. Все священное неизменно, все неизменное священно и связано с небом. Русскую космическую поэтику определяли три всеобъемлющих древних образа: Мира, Бога и Человека (человечества, истории и пр.). В архаическую эпоху зародился древнерусский «словарь мироздания», возникли ключевые слова: *свет, огонь, простор, рай-ирий*. К праславянской основе **svētъ* восходят около 200 слов. В родстве с ней находятся санскритские *çvētate* «светит», *çvētás* «светлый» и древнеиранское *spaēta* с тем же значением, у хеттов *siwatt* значило «день».

Свет — источник святости и многоцветия мира. Опосредованно со этим словом родственны *цветок* и *звезда*. Все они восходят к образу сияющего неба — **deiu* индоевропейцев, практимы слов *Deus, Dyaus, Zeus, Dievas*. *Диво* означало «божественное небо», *дивный* значило «небесный». Слово *рай* хранит идею лучистого света, оно в родстве с иранским и индийским *ray* «сокровище, счастье» и латинским *radius* «луч, молния».

В древности зародились основные архетипы художественного сознания праславян (свет и простор, беспредельность и единство мира) и многие поэтические тропы. Например, метафоры *света* и *сияния* небесной и водной стихий, *сини, ясности, горения, лучезарности, осиянности, пламенности, искренности* «летящего огня», *полета, окрылённости, озаренности* (от слов *заря, зарево* «огненный свет»).

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Ярославна в «Слове о Полку Игореве» плакала и взывала к небу: «Светлое и тресветлое солнце! Всем тепло и красно еси...». Безвестный автор «Слова о твари <...> и о дне ръкомом недъля» (XII–XIII вв.) утверждал: «Свѣтъ есть свѣтъ неосяжем и неисповѣдим <...>. Никто же не может указати образа свѣту, но токмо видим бываетъ». Глубинная смысловая связь корней *свет-* и *свят-* — света и святости — веками сохранялась в сознании. Автор «Слова о погибели Русской земли» (XIII в.) восклицал: «О, свѣтло свѣтлая и украсно укращенная зѣмля руськая!». Родную землю считали священной, осиянной, наполненной небесно-земным «белым светом» вселенной.

НОВОЕ ВРЕМЯ

В литературе Нового времени началось переосмысление древней триады образов Бога, Вселенной и Человека, их непостижимых взаимоотношений. Ломоносов первым начал поэтическое исследование бесконечности в знаменитом стихотворном манифесте «Вечернее размышление о Божием величестве...» (1743):

Открылась бездна звезд полна,
Звездам числа нет, бездне дна.

Спустя четыре десятилетия Гавриил Державин в чеканных стихах оды «Бог» (1784)

подхватил мысли Ломоносова, соединил с философско-религиозным видением мира и вдохновенным славословием Творцу.

Светил возженных миллионы
В неизмеримости текут,
Твои они творят законы,
Лучи животворящи лют.

Созданное почти одновременно стихотворение, «Бессмертие души» (1785), явилось, в свою очередь, одой человеку:

Частица целой я вселенной,
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества <...>,
Я крайня степень вещества,
Я средоточие живущих,
Черта начальна Божества. <...>.

Человек не исчезал в необъятном пространстве «горящих эфиров» и «светящих миров» поэзии Державина он представлял отражением «солнца в малой капле вод», подобием Бога.

Писатель Василий Лёвшин в «Новейшем путешествии, сочиненном в городе Белеве» (1784) ввёл в русскую литературу сюжет небесного путешествия и создал первый «инопланетный» пейзаж. Правда, описание Луны, на которую прилетал его герой, было лишено какой-либо экзотики: «Сей шар был точная наша Земля, или темная глыба, наполненная горами, водами и равнинами. <...> здесь такие же люди!..». Лёвшин не придавал никакого значения придуманной им фантастической машине с орлиными крыльями, этому «бедоносному орудию, которым взлетел <...> в планету» его путешественник, а вернувшись, «шел на Землю, сложил <...> машину и спрятал ону в карман». Неизмеримо важнее для писателя были философические рассуждения о Вселенной, отразившие мировоззрение новой эпохи. Обитатель Земли видит с Луны «множество звезд» и понимает: «Сии точки /.../ суть солнцы или тверди, противу коих земля наша песчинка. Но вы мечтаете, что все сие создано для человека; какая гордость! Взгляните на сие расстояние, равняющееся вечности, и поймите, что не для вас испускают лучи свои миллионы солнц; есть несчетно земель, населенных тварями».

В повести Николая Карамзина «Прогулка» (1789) небывалый, небесно-земной размах приобретает жанр лирического пейзажа. Душу героя охватывает ликование, когда весной «благотворное солнце, вступив в знак Тельца, начинает изливать на землю свет яснейший; когда, мало-помалу растопляя лучами своими снежные громады, таинственным магнитом извлекает /оно/ из земли нежную зелень».

С каждым десятилетием в русской литературе ширилось восприятие мира. Пушкин в стихотворении «Пророк» (1826) внимал и «неба содроганье... и гад морских подводный ход», Гоголь в повести «Страшная месть» (1832) восклицал: «Вдруг стало видимо далеко во все концы света». Тютчевский образ «пылающей бездны», перекликался с поэзией Ломоносова, «волшебный чёрн» творчества уносился в «неизмеримый» простор:

Настанет ночь — и звучными волнами
Стихия бьет о берег свой.

То глас ее: он нудит нас и просит...
Уж в пристани волшебный ожил чёрн;
Прилив растет и быстро нас уносит
В неизмеримость темных волн.

Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины, —
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.

В стихотворениях «Сны» и «Видение», созданных в 1829 году, поэтическому умозрению Тютчева открывалась ослепительная вселенная. Словно из некой мысленной обсерватории поэт призывал взглянуться в высокую тьму, в «час всемирного молчанья» ощутить связь с вечностью и почувствовать, как

Живая колесница мирозданья
Открыто катится в святилище небес.

Философская лирика Тютчева, пронизанная ослепительными озарениями, уводила в начало XX века, предвещая поэтическую стихию русского символизма.

Надземный мир увлекал воображение многих поэтов-романтиков. В стихотворении Лермонтова «Выхожу один я на дорогу» (1841) сияющая звездная «пустыня» «внимала Богу», представляла необъятным храмом, в котором душе «торжественно и чудно», где небесные светила, как в древности, «говорят» друг с другом и с Землей, «спящей в голубом тумане». В поэме Владимира Соколовского «Мироздание» (1832) земля представляла уже не средоточием Вселенной, а «берегом» бескрайней небесной реки — Млечного пути:

Вот пышно разлилась река,
Она чиста и глубока.
Но дна не видно под струями, —
Там блещет небо со звездами.

Федор Глинка, поэт и философ-мистик, угадывал в космической беспредельности «иную жизнь» и восхищенно устремлялся ей вслед:

Чудна вселенная громада!
Безбрежна бездна бытия —
И вот — как точка, как монада,
В безбрежность упłyваю я...

«Иная жизнь», 1830–1840-е

Поэту были «равны и миг, и век». В стихотворении «Все сущности вместив в себе...» (1840-1850-е) он писал:

Я утопал в гармонии вселенной
И отражал вселенную в себе.

Обостренная космичность художественного восприятия наполняла лирику Афанасия Фета. Его тяготила «голубая тюрьма» поднебесья, а звездными ночами ему открывалась окрыляющая беспредельность. В стихотворении «На стоге сена ночью южной» (1857) созерцание неба рождало чувство восторженного падения в «райскую» бездну:

Земля, как смутный сон немая,
Безвестно уносилась прочь,
И я, как первый житель рая,
Один в лицо увидел ночь.

Я ль несся к бездне полуночной,
Иль сонмы звезд ко мне неслись?
Казалось, будто в длани мощной
Над этой бездной я повис.

Якова Полонского в стихотворении «Ночная дума» (1874), напротив, пугала потеряность в космическом пространстве:

Как больной, я раскрываю очи:
Ночь, как море темное, кругом...
И один, на дне осенней ночи,
Я лежу, как червь на дне морском.

И всё же в общем движении русской мысли середины XIX столетия постепенно утверждалось новое понимание Вселенной. Мысли Николая Лобачевского о неевклидовой «пангеометрии», созданной им в 1826 году, помогали преодолеть тысячелетний геоцентризм. Возможно, влияние этого гениального математика сказалось на творчестве философа, ученого и писателя Владимира Одоевского. В фантастической повести «4338-й год. Петербургские письма» (1835) он задолго до Жюля Верна провозгласил неизбежность овладения земным пространством, появления «всеобщего воздухоплавания» и освоения Луны: «Нашли способ сообщения с Луной; она необитаема и служит только источником снабжения Земли разными житейскими потребностями».

Иван Гончаров в описании своего кругосветного путешествия на фрегате «Паллада» в 1855-1858 годах пытался увидеть землю, населенную единственным человечеством, «взглянуть живыми глазами на живой космос». Религиозно осмысленная философия целостности воодушевляла Федора Достоевского. В порыве восторга главный герой его романа «Братья Карамазовы» (1880) переживал пронзительный миг единства со всем мирозданием: «Тишина земная как бы сливалась с небесною, тайна земная соприкасалась со звездною... Алеша стоял, смотрел и вдруг как подкошенный повергся на землю. <...> Как будто нити ото всех этих бесчисленных миров Божиих сошли разом в душе его, и она вся трепетала, “соприкасаясь мирам иным”».

В те же годы Николай Морозов в рассказе «Путешествие в космическом пространстве» (1882) впервые описал восторженное состояние человека, вышедшего «за пределы /.../ земного притяжения», где больше нет «ни верха, ни низа». Константин Циолковский размышлял в научно-фантастической повести «Грезы о земле и небе» (1895) о будущих полетах в космос и был неколебимо уверен: человек сумеет «Стать ногой на почву астероидов, поднять рукой камень с Луны, устроить движущиеся станции в эфирном пространстве, образовать живые кольца вокруг Земли, Луны, Солнца, наблюдать Марс на расстоянии нескольких десятков верст, спуститься на его спутники и даже на самую его поверхность...».

Драматург и философ Александр Сухово-Кобылин, автор оригинального трактата «Учение Всемира» (1899-1900), предсказывал три этапа в «движении к звездам» земной цивилизации: «первый момент есть наше земное и потому косное человечество, которое в своем поступании переходит во второй момент, т.е. в солярное или летающее человечество, и третий момент есть уже всемирное, то есть бесконечное, сидерическое (звёздное — В.Б.) универсальное человечество...».

Подлинным пророком грядущей космической эры явился выдающийся мыслитель Николай Федоров. Опубликованные в 1906 и 1913 годах два тома его «Философии общего дела» содержали ошеломляющие утверждения о неизбежном «расселении человечества в космосе» и о космическом призвании России.

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

Духовным кредо поэтов и художников начавшегося «Серебряного века» явилась «философия всеединства» и религиозная лирика Владимира Соловьева. Она содержала основные образы зарождавшегося русского символизма, звала к «сочетанью земной души со светом неземным», к «неподвижному солнцу любви». Небесная София, мистическая возлюбленная поэта, взирала на него «очами, полными лазурного огня». Для целого поколения рубежа веков эта таинственная, затопившая душу небесная «лазурь» стала знаком избранничества и высшего озарения. Всеми силами своего таланта Соловьев призывал:

Вверх погляди на недвижно-могучий
С небом сходящийся берег любви.
«Иматра», 1895

Поэтическое вдохновение звало взлететь из мира, где «все, кружась, исчезает во мгле», к далёкому звездному континенту. Русский символизм обрел черты «вселенской». Вслед за Соловьёвым мистические «небесные миры» воспел Константин Бальмонт:

Когда луна сверкнет во мгле ночной
Своим серпом, блестательным и нежным,
Моя душа стремится в мир иной,
Пленяясь всем далеким, всем безбрежным...
«Лунный свет», 1894

Мечтаниям о «звёздном мире» предавался и Федор Сологуб в стихотворении «Звезда Маир» (1898) восклицал:

Там, в сиянье ясного Маира,
В колыханье светлого эфира,
Мир иной таинственно живет.

Поэзия символизма влекла к мысленным странствиям беспредельности:

И мир — как море пред зарею,
И я иду по лону вод.
И подо мной, и надо мною
Трепещет звездный небосвод.

В этом четверостишии 1902 года Максимилиан Волошин создал один из самых впечатляющих символов начавшейся эпохи. Ее дух выражали таинственные «зори» ранней поэзии Александра Блока и «вечная лазурь» юношеских стихов Павла Флоренского. Но подлинный герой русских символистов и будущих футуристов — «молодой моряк вселенной», бесстрашный соратник Николая Федорова — был прозорливо уведен Валерием Брюсовым в стихотворении «Хвала человеку» (1909):

Верю, дерзкий! ты поставишь
По Земле ряды ветрил.
Ты своей рукой направишь
Бег планеты меж светил

И наследники вселенной,
Те, чей путь ты пересёк,
Повторят привет священный:

Будь прославлен, Человек!

На рубеже XIX и XX столетий едва ли не вся русская культура стремилась, по выражению Вячеслава Иванова, соединить «родное и вселенское», искала новые измерения, касалась земных недр и пристально взглядалась в небо. Русские символисты были далеки от безоглядного «космического оптимизма» Уолта Уитмена. Вокруг образа Вселенной веяли трагические сомнения. В стихах Волошина 1900-х годов «Сатурн», «Луна», «Созвездия», в венке сонетов «Corona astralis» смешивались восторг и страх. Сознание поэта переполнял древний *horror vacui* «ужас пустоты» — мёртвая космическая вечность. Быть может, там человека ждала лишь судьба «угасшего метеора в пустынях мирозданья»? Борясь с сомнениями, Волошин неизменно возвращался к вдохновенным, «тютчевским» прозрениям:

Моя душа как небо звездна,
Кругом поет родная бездна.

«Письмо», 1904

Постигая «небесные письмена», поэт пытался примирить личностные, исторические и космические начала. Вопреки модному ницшеанству, он видел истинного художника в образе всечеловека, а не сверхчеловека. Вячеслав Иванов с такой же страстью писал о самоубийственности насилия и войн, о неизбежности на этом пути катастрофических расплат. В его поэме «Человек» (1915–1919) злу мировой войны, охватившей половину планеты, противостоял «всеземной» человек, отождествленный с «планетарным человечеством» будущего:

И как душа Земли едина,
Так будет Человек един.

По мысли Иванова, дальнейший путь вёл человечество за пределы земного шара:

В лазоревые кругозоры
Вглядись, понурый ученик:
Открыли дикий материк
Небесные конквистадоры.

У Иванова «космический человек» вбирал в себя бытие всего мироздания, у Волошина он оставался «путником по вселенным»:

Когда же ты поймешь,
Что ты не сын Земли,
Но путник по вселенным,
Что солнца и созвездья возникали
И гибли внутри тебя...

«Подмастерье», 1917

Звездному страннику предстоит отказаться от земного сыновства, но прежде он должен стать самим собой, вернуться к началу начал:

Быть черною землей. Раскрыв покорно грудь,
Ослепнуть в пламени сверкающего ока
И чувствовать, как плуг, вонзившийся глубоко
В живую плоть, ведет священный путь.

Под серым бременем небесного покрова
Пить всеми ранами потоки темных вод.
Быть вспаханной землей...
И долго ждать, что вот
В меня сойдет, во мне распнется Слово.

«Быть черною землей...», 1906

Символисты не единственные, кого влекла беспредельность. Те же мысли и чувства, тот же всеохватывающий поток жизни наполняли лирику Ивана Бунина, продолжателя классической поэзии XIX века. В стихотворении «Памяти друга» (1916) он воскликнул:

Как эта скорбь и жажда — быть вселенной,
Полями, морем, небом — мне близка.

В эпохи всемирных потрясений мотивы всеобщего «разлада», «космического неблагополучия» выступали на первый план. Восприятие мира как «живой вселенной» сменялось ощущением одиночества человека, страхом от соприкосновения со взглядом бесстрастной «космической бездны»:

Мирь летят. Года летят. Пустая
Вселенная глядит в нас мраком глаз...

В этих стихах, написанных Александром Блоком в 1912 году, слышится отчаяние, предчувствие всемирного «крушения гуманизма». И оно свершилось.

АВАНГАРД

Поразительно: вопреки всем насилиям и гибели миллионов людей, вместе с большевистской революцией в русской литературе и художественной культуре вспыхнула грандиозная космическая утопия. Казалось, революция, начатая на земле, могла завершиться лишь в небесах. Заражающее влияние «революционного космизма» протянулось на целое десятилетие. Безудержный глашатай, Владимир Маяковский призывал к «штурму» вселенной, Демьян Бедный — к началу «межпланетной революции». Во вступлении к пьесе «Мистерия-буфф» (1918) Маяковский обозначал: «Место действия вся вселенная», а в написанном позже «Предисловии автора» (1921), не колеблясь, провозглашал: «Сегодня к коммуне рвется воля миллионов, а через полсотни лет, может быть, в атаку далеких планет ринутся воздушные дредноуты коммуны».

Потоки революционно-космической риторики и стихотворного эпатажа целиком затопили творения «биокосмистов» — группы поэтов крайне левого толка. Их идеолог, Александр Святогор, поражал воображение читателей: «Мы <...> начинаем великую эру — эру бессмертия и бесконечности», «мы говорим: не воздухоплавание — это слишком мало, — но космоплавание». Павел Иваницкий призывал не к пролетарскому интернационалу, а к «интерпланетаризму — революционному завоеванию космоса». Александр Ярославский, автор стихотворений «Плевок в бесконечность». «На штурм вселенной» и т.п. (1917-1920), убеждал в «Поэме Анабиоза» (1922) начать скорейшее наступление

На Смерть! на Бога! на Космос!
На прошлого тусклую гниль.

Даже Сергей Есенин, певец «французской» Руси, в «Небесном барабанщике» (1918) воскликнул:

Да здравствует революция
На земле и на небесах!

Речь шла не об одном лишь богооборческом бунте. В трактате о народной мифологии «Ключи Марии» (1918) Есенин рассуждал о времени, когда «пространство будет побеждено»: «Воздушные рифы глазам воздушных корабельщиков будут видимы так же, как рифы водные. /.../ и человечество будет перекликаться с земли не только с близкими ему по планетам спутниками, а со всем миром в его необъятности».

Бесспорным вождем поэтического космизма явился будетлянин Велимир Хлебников. В 1921 году он пророчески назвал двадцатое столетие «космическим веком». Гениальные строки из поэмы «Война в мышеловке» (1915-1922), завершённой незадолго до смерти поэта, звучали как его завещание — призыв к «всеземному человеку» не угашать древней мечты о постижении Космоса:

Тебе говорю: Ты!
Ты вспыхнул среди темноты.
Так я кричу крик за криком,
И на моем каменеющем крике
Ворон священный и дикий
Совьет гнездо и вырастут ворона дети,
А на руке, протянутой к звездам,
Проползет улитка столетий!

ПОСТАВАНГРАД

После революции стали казаться осуществимыми самые дерзкие пророчества Фёдорова и Циолковского о выходе человечества «из земной колыбели» в космический простор. Основоположника космобиологии Александра Чижевского подтолкнуло к изучению Вселенной знакомство с Циолковским. Вдохновенные юношеские стихи учёного стали шедеврами русского поэтического космизма. В 1915 году Чижевский обращается через века к великому античному естествоиспытателю Гиппократу:

Мы дети космоса, и наш родимый дом
Так спаян общностью и неразрывно прочен,
Что чувствуем себя мы слитыми в одном,
Что в каждой точке мир — весь мир сосредоточен...
И жизнь, — повсюду жизнь в материи самой,
В глубинах вещества — от края и до края —
Торжественно течет в борьбе с великой тьмой,
Страдает и горит, нигде не умолкая.

«Гиппократу», 1915

Землю, «живую колесницу мироздания», некогда увиденную Тютчевым, учёный воспринимал как «родимый дом» — летящее очеловеченное сердце Вселенной, неразрывно связанное с целым. В творчестве Чижевского соединились мысли Владимира Вернадского о «живом веществе» земли и собственные научные открытия. Окружающий мир, увиденный «внутренним зрением», представал в стихотворении «Вещество» (1921) частью бессмертного мироздания:

О, присмотрись внимательней к Земле
И грудью к ней прильни всецело,
Чтоб снова в зеленеющем стебле
Исторгнуть к Солнцу дух и тело!

После чудовищной мировой бойни 1940-х годов русская поэзия вновь с жадной силой устремилась к истокам жизни, к родной земле и «очеловеченному» миру, неотделимому от Вселенной. Не покорять природу, а жить с нею в родстве звали и научно-философская мысль, и творческое вдохновение. Николай Заболоцкий, продолжая поэтические размышления Волошина 1920-х годов, сетовал в стихотворении «Слепой» (1946) о своих юношеских увлечениях утопией «овладения миром»:

И боюсь я подумать,
Что где-то у края природы
Я такой же слепец
С опрокинутым в небо лицом.
Лишь во мраке души
Наблюдаю я вешние воды,
Собеседую с ними
Только в горестном сердце моем.

В стихотворении «Поздняя весна» (1948) он восставал и против «вековечной давильни» животной жизни, и против духовного уродства людей, корил себя:

Я, как древний Коперник, разрушил
Пифагорово пенье светил.

В стихотворении «Сон» (1953) Заболоцкий понуждал себя преодолеть горделивое, одинокое «я», чувствовал, как

уж стремилась вся душа моя
стать не душой, но частью мирозданья.

В философской лирике Даниила Андреева раскрывалась иная сторона отношений человека и мира — всеземная культура обретала вселенский размах, и тогда в ней исчезало противоречие человеческого и космического. Будто вторя мыслям Вернадского о «ноосфере», в стихотворении «Библиотека» (1950) Андреев звал к восхождению в этот

сущий над нами
Выше стран и отечеств,
Ярко-белый, как пламя,
Ледяной, как зима,
Обнимающий купно
Смену всех человечеств,
Мерно дышащий купол
Мирового Ума.

Даниилу Андрееву было ведомо состояние озарения. В стихотворении «Золотом луговых убранств» (1955) он свидетельствовал о пережитом откровении:

...Будто сорван покров,
и, немея, ты видишь воочью
Созиданье миров,
и созвездий, и солнц, и планет.

Образы родины и вечного неба отражались в его сознании, словно в небесно-речном зеркале, текущем сквозь время. В поэтическом цикле «Сквозь природу» (1937-1950) есть строки:

Вы, реки сонные
Да шум сосны, —
Душа бездонная
Моей страны.

«Моя страна» Даниила Андреева начиналась в России, но обнимала воспетое им «вечное диво» — Вселенную.

В послевоенные годы «планетарное сознание» одушевляло и русскую прозу. В книге Михаила Пришвина «Глаза Земли» (1951) описание природы разворачивалось в целостную картину мира: «Ведь если вникнуть в жизнь одного весеннего ручья, то окажется, что понять ее в совершенстве можно только, если понять жизнь вселенной, проведенной через самого себя». Страницы «Русского леса» Леонида Леонова или «Мещерской стороны» Константина Паустовского, философская лирика Владимира Луговского и Леонида Мартынова позволяли заново ощутить забытые в эпоху бурь красоту и величие Земли — нерукотворного храма человеческой жизни. Пожалуй, стихотворение Бориса Пастернака «Когда разгуляется» (1956) наиболее ярко воплотило дух русского поэтического космизма, наполненного сердечным теплом:

Как будто внутренность собора —
Простор Земли, и чрез окно
Далекий отголосок хора
Мне слышать иногда дано.

Природа, мир, тайник вселенной,
Я службу долгую твою,
Объятый дрожью сокровенной,
В слезах от счастья отстою.

В год, когда были написаны эти строки, уже готовились к полёту первые искусственные спутники Земли. Начиналась новая эра.

ПОЭТЫ СОВЕТСКОГО АНДЕГРАУНДА

Мировоззрение поэтов советского подполья 1960-80-х годов нередко вступало в противоречие не только с коммунистической идеологией, но и с ценностями бездуховного андеграунда. Леонид Губанов, едва ли не самый непримиримый из отверженных поэтов, в стихотворении «В холодном мире» (1982) с отчаянием писал об утраченных смыслах:

Открыта — голубая дверь!
И вечная закрыта книга.
<...>
Но жить не хочется до крика.
В холодном мире, солнцем пленны,
Законы написав свои,
Мы — тихие глаза вселенной,
И слезы первые любви!..

Губанов трагически покинул «холодный мир», в котором, по его словам, разбита «душа вселенной», «разодрано небо». Но те, кто остался жить, не оставляли попыток заглянуть за

«голубую дверь», осмыслить исчезающую малую жизнь человека и его место в мироздании. Иосиф Бродский, бесспорный лидер подпольной поэзии последних советских десятилетий, видел её цель в преодолении бессмыслицы человеческого бытия. Оно теряет «предметность», едва успев ее обрести. В стихотворении «К Урании» (1981) земную, невесомую жизнь, похожую на супрематический холст с призрачными существами, окружает вселенское небытие:

Пустота раздвигается, как портьера.
Да и что вообще есть пространство, если
не отсутствие в каждой точке тела?

В этих поэтических размышлениях для Бродского заключалась далеко не вся правда. Мы почти ничего не знаем о великом небе, мы лишь «младенцы», рожденные в бесконечности, как тот, Первый из младенцев в стихотворении «Рождественская звезда» (1987):

Он был всего лишь точкой. И точкой была звезда.

<...>

Внимательно, не мигая, сквозь редкие облака,
на лежащего в яслях ребенка издалека,
из глубины Вселенной, с другого ее конца,
звезда смотрела в пещеру. И это был взгляд Отца.

Космизм — совокупность представлений о мироздании, его единстве и связи с человеком, вечности, беспределности и возвышенной красоте. Русская словесность и художественная культура в течение многих столетий созидала величественный образ мироздания: бесконечного и вечного, прекрасного и непостижимого, несущего благую весть о неумирающей космической жизни. И несомненно, это созидание продолжится. «Тихие глаза вселенной» будут вновь вновь взглядом прикасаться к небу и лицу человека.

Лекция, прочитанная в Государственном Литературном музее 20 апреля 2021 года